ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НА ФОНЕ СМЕНЫ ЭПОХ

Очередной постоянный семинар
«К основам методологии изучения традиционных общин Востока» лаборатории «Религия и общество на Востоке»,
19 ноября 2021 г., ИВ РАН

DOI: 10.31696/2542-1530-2022-6-21-48

Основной докладчик: Александр Иванович Яковлев.
Ведущий: Алексей Викторович Сарабьев.
Участники дискуссии: Борис Васильевич Долгов, Григорий Валерьевич Лукьянов, Марина Анатольевна Сапронова.

В ключевом докладе семинара рассматриваются ценности и ценностные ориентиры, зафиксированные в планах Саудовской Аравии, и прежде всего в «Видении 2030». Они анализируются с учетом исторического развития саудовского общества, а также в контексте общемировых сдвигов аксиологии текущих явлений. Последние связаны отчасти с трансформациями в социально-экономической сфере, изменениями материального уровня и технологий, применяемых в быту, производстве и инфраструктуре. Участники дискуссии усматривают связь этих тем с динамикой отношения к базовым гуманистическим идеалам, а также задаются вопросом критериев перехода обществ от одной ценностной установки к другой. На современном этапе, переходном от уклада промышленного капитализма к посткапиталистическим отношениям, проблема ценностей стоит уже гораздо острее – в связи с опасностью аксиологического хаоса в условиях нарастающего ценностного релятивизма.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, формационный переход, социально-экономическая модернизация, Саудовская Аравия, смена ценностной парадигмы.

Ценностные ориентации планов социально-экономического развития нефтяных монархий Аравии в XXI в.

(КЛЮЧЕВОЙ ДОКЛАД)

Д. и.н., профессор Яковлев А.И.

Понятие ценности давно присутствует в общественной науке, но размыто и не конкретизировано. В первые десятилетия XXI века стало очевидным, что мировая система переживает эпоху перехода в новое состояние, качество. Показатели такого нового качества наглядны в сфере материальной, однако сильнее всего проявляются в новой виртуальной сфере. Меньшее внимание привлекает сфера духовной жизни, внутренний мир людей и общества, в котором также с естественной неизбежностью проявляются явления переходности.

Ценности – это опорные точки в деятельности и мировосприятии человека, в самоидентификации человека и общества в конкретном пространстве и времени. Ценности всегда имеют человеческое измерение и не существуют безотносительно конкретного человеческого общества, образуя в нем определенную взаимосвязанную систему.

В социологии не раз предпринимались попытки выстроить иерархию ценностей. Например, Р. Инглхарт выделяет две системы ценностей: материалистическую (материальное благосостояние, экономический рост) и постматериалистическую (духовное развитие, самореализация личности) [Добреньков 2011, 47]. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона также основывалась на конфликте разных систем ценностей.

Ценности имеют и временное измерение, системы ценностей изменяясь в отдельные исторические эпохи. Так, в Новое время, в период реализации «проекта Просвещения», в эпоху Модерна в странах Запада, составлявших авангард мирового развития, происходило необратимое размывание традиционной (христианской) системы ценностей и вытеснение ее ценностями капиталистического Модерна. В период смены мирового порядка, в эпоху пост-Модерна и «конца проекта Просвещения» предлагается вовсе отказаться от системного

понимания ценностей, переведя это понятие к крайнему личному субъективизму. Историк Георгий Кнабе писал: «Постмодернизм живет в сегодняшнем обществе не как система взглядов, а как настроение – зыбкое, смутное, подчас не поддающееся отчетливому формулированию, в еще большей мере зыбкое и смутное, чем умонастроения ему предшествовавшие» [Кнабе 2006, 1023].

Ныне, в эпоху формационного перехода, в отношениях между государствами и группами государств на первый план вышли – наряду с привычными политическими и экономическими противоречиями – противоречия ценностные, которые принимают оболочку то религиозных, то цивилизационно-культурных, то национальных. Но, по существу, все сводится к тому, что люди и общества руководствуются разными идеями и чувствами при принятии решений и в своей деятельности, имеют перед собой несходные идеалы.

Деятельность людей определялась во многом той системой ценностей, которая устанавливалась в определенную эпоху (историческую формацию) и в определенной общности людей, которую можно определить как цивилизацию. Каждой цивилизации присуща определенная религиозная система, однако религия, являясь «стержнем» цивилизации, конечно, не полностью определяет ее качества и свойства. Точно так же, каждой новой формации были присущи не только особенные материальные параметры и характеристики, но и свой вариант системы ценностей. Принятие или непринятие определенных систем ценностей позволяло определить идентичность и самоидентичность личности и общества.

Важной чертой систем ценностей разных цивилизаций и формаций в разные эпохи было их отождествление с окружающей реальностью, реальным бытием, «жизнью за окном», частью чего, впрочем, была и метафизическая, умозрительная реальность религиозного бытия. Тем самым, разделяемые всем обществом системы ценностей имели иерархический характер (высшая, абсолютная ценность – Бог) и нормативное значение, служили определенными ориентирами

и регуляторами общественной жизни и политики власти, служили основанием законов и правовых норм, морали и нравственности. Системы ценностей трансформируются в ходе исторического развития общества, однако не исчезают. Они по-прежнему сохраняют свое значение ориентира, регулятора и нормы общественной жизни, а также деятельности, интересов и идейных устремлений личности.

В то же время, различные уровни системы ценностей меняются в разной степени, равно как и подразделение каждого из уровней. Низший, социальный уровень ценностей в наибольшей мере подвержен воздействию социально-экономических перемен. Средний уровень, включающий ценности социально-политические и эстетические, в целом соответствует нормам господствующего общественного строя, включая в себя и предшествующие нормы. Высший, метафизический уровень, выражающий духовную жизнь людей и общества в целом, также лишенный былой целостности, содержит как фрагменты Традиции (религиозной и этической), так и фрагменты релятивизма, атеизма и язычества.

В название выступления я вынес не ценности, а ценностные ориентации, чтобы взять часть этой обширной темы. Ценностные ориентации можно определить как использование традиционных понятий и образов для реализации задач власти или человека. Наглядным примером того, как использовались ценностные ориентации в планах реформ короля Фейсала, начавшего реформы еще будучи наследным принцем в начале 1960-х годах, и нынешнего наследника престола, эмира Мухаммада. В ходе модернизации, которую один начал, а второй намеревается продолжить, идут изменения системы ценностей. Эти изменения можно свести к трем типам:

– отторжение западных (христианских, буржуазных, либеральных) ценностей, норм поведения и морали, которое определяется европейцами как традиционализм или фундаментализм;

– принятие западных ценностей за счет умаления собственной ценностной системы, что вполне совпадает

с представлением европейцев о неизбежности торжества их либеральной культуры;

– сочетание элементов западных и собственных ценностей, что в понимании европейцев получило наименование мультикультурализма.

Важность ценностной ориентации планов развития долгое время не сознавалась правителями нефтяных монархий. Они не без оснований полагали, что даже при кардинальных изменениях условий экономической и социальной жизни по западной модели, могучая инерция человеческого сознания сохранит вековую Традицию, включающую традиционную систему ценностей – религиозных, племенных и социально-бытовых. Так, в принятых в 1970-е годы пятилетних планах социально-экономического развития Саудовской Аравии очевидным оставалось подчеркнуто уважительное отношение власти к традиционным ценностям.

Стоит отметить, что такое отношение не ново для Аравии. Саудовский король-реформатор Фейсал в принятой в 1962 г. программе модернизации уделял место не только коренным реформам в экономической и социальных сферах, но и защите традиционных ценностей [Prince Faisal Speaks 1963, 6–11]. Так, в пунктах 1–4 декларированы коренные изменения в экономической, социальной и даже политической жизни Королевства: изменение формы правления, введение конституции и основ представительной власти, реформы местных администраций и судебной системы. В целом, это приближало во многом средневековое королевство к нормам жизни середины XX в. и соответствовало ценностным канонам западной модели («вестминстерской демократии»). Однако в пункте 5 было заявлено: «Правительство сознает свою обязанность по распространению учения ислама и защите его словом и делом», а в пункте 6 содержалось обязательство «немедленно предпринять меры по улучшению условий деятельности Обществ охраны веры и нравственности», попросту говоря, религиозной полиции. Заключительные пункты 7–10 содержали цели экономического и социального развития.

Таким образом, ценностная ориентация «10 пунктов» Фейсала была очевидно традиционалистской. В те годы сам реформатор и все общество полагали, что возможно простое заимствование технических достижений и товаров Запада для того, чтобы в Аравии возникло индустриальное общество. Связь между изменением материальной среды, условий труда и жизни, демонстрационным эффектом Запада и менталитетом человека, его духовным миром всерьез не принималась. Впрочем, «человеческое измерение» развития в те годы всерьез не рассматривалось и на Западе.

Наследники Фейсала в пятилетних планах развития проявили себя скорее модернизаторами, нежели традиционалистами, хотя и носили титул «Хранителей Двух Святынь», уделяли немалое внимание религиозным проектам. Огромный поток нефтедолларов и возможность закупок любых западных товаров опьяняли. Ценностную ориентацию политики короля Халеда и короля Фахда в 1975–2005 гг. можно определить скорее как реформаторскую. Иранская исламская революция и захват Большой мечети в Мекке в 1979 г. впервые поставили перед властью проблему баланса традиционных и современных ценностей, однако в понимании правителей Королевства эта проблема относилась исключительно к политической сфере.

Между тем, в условиях ускоренной социально-экономической модернизации всего общества, сопровождаемой ощутимой американизацией культурной жизни, саудовское общество переживало сильный культурный шок. Численность населения выросла с 7,01 млн в 1974 г. до 15,2 млн чел. в 1990 г. и 24,2 в 2007 г. Население стало преимущественно городским: доля горожан выросла с 9% в 1950 г. до 25% в 1970 г. Если в 1975 г. численность населения столицы эр-Рияда составляла 667 тыс. жителей, то в 2004 г. – 4087,2 тыс. Повысился уровень продолжительности жизни с 53,9 лет в 1970 г. до 72,7 лет в 2007 г. [Saudi... 2010, 63]. Ассигнования на развитие «человеческого фактора» стали крупнейшей статьей бюджета после расходов на оборону и безопасность. Выросло число школ и высших учебных заведений, в 1957 г. был создан первый

университет в эр-Рияде, а спустя полвека в стране было уже 20 университетов. Десятки тысяч молодых саудовцев получали высшее образование в стране, а тысячи – за рубежом, преимущественно в США. Это новое поколение – дети и внуки бывших кочевников, ремесленников и торговцев – обрели не просто сумму знаний, но новое представление о мире и своем месте в нем, а возвратившиеся из американских университетов – еще и опыт жизни в условиях уклада жизни и поведения, основанных на иной системе ценностей.

Современная экономика требует современных работников, которые составляют современное общество – и ему требуется современная система коммуникаций, обмена и получения информации. Первые радиостанции были созданы в стране властью в 1930-е годы, в 1970-е годы массовое радиовещание вели 18 радиостанций. Первая телевизионная станция была построена американской компанией АРАМКО в 1957 г., а в 1975 г. появились национальные телестанции в столице и еще четырех городах. Конечно, власть предпринимала меры предосторожности в сфере информации, но лишь относительно политических вопросов. Огромное значение имело появление спутникового телевидения. В 1996 г. начал вещание телеканал «Аль-Джазира» из Катара, ставший главным источником новостей для арабского мира и причиной тревоги саудовских властей: «Аль-Джазира» заняла резко враждебную позицию по отношению к саудовскому режиму. Власти активно реагировали на это и более или менее успешно пытались регулировать информацию, в том числе из Интернета, с помощью цензуры.

На поверхности был политический фактор. Между тем, с завершением модернизации по западной модели, новые поколения с конца XX в. – благодаря образованию, средствам коммуникаций и изменившимся в стране нормам труда и жизни – обладали уже иным менталитетом, иным мировосприятием и мировоззрением. Оказавшись перед выбором одного из типов взаимодействия систем ценностей, они принимали разные решения.

Фактическое противостояние двух систем ценностей – традиционной отечественной и современной западной – в условиях модернизированного общества вело к умалению Традиции. Завершение периода коренных реформ привело к переосмыслению всего существующего набора ценностей – как традиционных идей и идеалов, так и заимствованных западных конструктов, которыми руководствовалось саудовское общество. Случайно это совпало с войной в Афганистане в 1979–1989 гг., в ходе которой США и Пакистан сознательно обостряли религиозную составляющую конфликта. США, исходя из собственных геополитических интересов, сознательно сыграли на прочной верности Традиции мусульманских стран, прежде всего КСА, не принимая ее всерьез и полагая, что и модернизированные саудовцы также относятся к Традиции, как к архаичному атрибуту древности. Оказалось иначе.

Произошел раскол внутри саудовского общества, подогреваемый недолгим присутствием в 1991 г. десятков тысяч американских войск на «святой земле ислама». Дихотомия реформ, неизбежно включающих соперничающие друг с другом преобразования по западной модели современного общества и сохранение традиционных (религиозных, племенных, национальных) основ саудовского общества, привела к причудливому симбиозу двух названных начал. Их должен был учитывать наследник саудовского престола, эмир Мухаммад бин Салман, выдвигая обществу свой план преобразований «Видение 2030». Этот план выходит за формальные рамки пятилетних планов социально-экономического развития.

В этом многостраничном документе, одобренном и утвержденном королем, престарелым Салманом бин Абдель-Азизом, но подготовленном его сыном эмиром Мухаммадом, ставшим в июне 2017 г. не только наследником престола, но и фактическим правителем страны, содержится программа развития королевства – с точки зрения внуков великого реформатора короля Фейсала. Эти поколения живут в условиях намного более открытого общества, в стране они имеют большие возможности для саморазвития и разного рода

деятельности. Реальностями Саудовской Аравии стали не только материальные достижения НТР и технологической революции, но и действующая система представительной власти (Консультативный совет) и выборной местной власти, а также существенное расширение прав женщин.

В своем заявлении по поводу программы эмир Мухаммад назвал первым ключевым фактором успеха «арабское и мусульманское культурное наследие», уточнив, что Королевство обладает «богатством, более ценным чем нефть»: это статус «Земли Двух Святынь, самое святое место на планете, где расположена Кааба, к которой одновременно обращаются более миллиарда мусульман во время молитвы». И лишь после этого эмир назвал «огромные инвестиционные возможности и стратегическое географическое положение», «природные ресурсы» и «потенциал молодого поколения». Во Введении названо первое направление развития – «формирование динамичного общества... члены которого живут в соответствии с принципами ислама умеренного толка, гордятся своей национальной принадлежностью и древним культурным наследием». В качестве второго направления названа «процветающая экономика» частного сектора и третьего – «развитие государственного сектора», благодаря «эффективному и инициативному правительству»[1]. Понятна почетная роль, предлагаемая авторами программы для саудовской буржуазии, обладающей образованием, деловым опытом и капиталами, равно как и подтверждение стержневой роли государства и государственного сектора, служащего материальной базой существования 7-тысячной королевской семьи.

Понятно, что существующая власть с помощью этой декларации решает и текущие задачи социальной и политической стабилизации, а сам эмир Мухаммад стремится к упрочению своей социальной поддержки в обществе. Казалось бы, эмир повторяет идеи короля Фейсала – прагматика в материальной сфере и идеалиста-мусульманина в сфере религии, культуры и истории. Но бросается в глаза смена приоритетов.

---

[1] Vision 2030. URL: https://www.vision2030.gov.sa.

Весьма показательно, что нематериальные факторы и цели поставлены в этой программной декларации на первое место.

Фейсал должен был накормить и поднять из нищеты отсталое общество, имевшее скромные потребности и не имевшее политических целей. Его племянник имеет дело с современным, хорошо образованным и весьма обеспеченным обществом, обладающим политическими амбициями. Неизменным остается консенсус по статусу ислама как духовной и социальной скрепы саудовского общества, и власть предлагает прагматичный компромисс разным течениям исламских фундаменталистов и исламских либералов. Таким образом, в самой программе и в ее реализации эмиром Мухаммадом очевидно стремление к установлению нового баланса интересов внутри саудовского общества.

Вывод очевиден – изменения проходят в саудовском обществе трудно, и вызваны эти трудности тем, что в основу развития положена западная модель. На Западе, когда формировалось буржуазное, капиталистическое общество, происходило расщепление былой системы ценностей, наряду с сохранением старой возникает на основе определенных идеологий ценность как объект разнообразных человеческих устремлений. Скептицизм и критицизм в отношении к религии приводят к рационализму и релятивизму, порождением чего стал аксиологический плюрализм. Усиливается субъективное начало в определении ценности как предельной ориентации знаний, интересов и предпочтений отдельных групп и личностей. Ценности в западном обществе освобождаются от метафизической абсолютизации. Иерархическая вертикальная система ценностей сменяется на горизонтальную систему.

Исходя из интересов новых социальных сил, заново стали оцениваться такие объекты ценностного отношения, как добро и зло, истина и неистина, красота и безобразие, допустимое и запретное, справедливое и несправедливое. Следуя западной модели, саудовское общество пришло к эволюции общественного строя, изменению. Это выявляет назревший кризис старой системы ценностей, нормативное значение

которой пересматривают новые социальные силы, предлагая новые критерии и новые ценностные ориентации.

Возникновение буржуазного строя в ходе капиталистической модернизации в европейских странах вызвало к жизни новую предпринимательскую этику, в которой был очевиден разрыв со старой системой ценностей, пренебрежение метафизической реальностью ради прибыльного и комфортного существования «здесь и сейчас». Ценность сводилась к факту (успеха в конкуренции, увеличения прибыли, эгоистическому гедонизму), происходило смешение ценности с конкретной или предметной реальностью.

Не менее существенно и то, что и на Западе в ходе человеческой деятельности старые и новые ценности вступают во взаимодействие, подчас конфликтное, поскольку часть новых социальных сил стремилась сохранить верность традиционным этическим идеалам. Очевидным примером этого становится сдерживающее окончательный слом старых ценностей влияние протестантизма в Западной Европе, православной и старообрядческой аскезы в России и конфуцианско-буддийского этического комплекса в Восточной Азии, что проявилось в деятельности первых поколений буржуазных предпринимателей. Конечно, остается открытым вопрос в какой степени в Саудовской Аравии эмир Мухаммад, если он взойдет на престол, сможет создать новый баланс старой и новой системы ценностей.

Закончу свое выступление своеобразным откликом на смену ценностных вех – стихотворением Б.Ш. Окуджавы «Милости судьбы» (1979):

О фантазии на темы
    торжества добра над злом!
В рамках солнечной системы
    вы отправлены на слом.
Торжествует эта свалка
    и грохочет, как прибой...
Мне фантазий тех не жалко –
    я грущу о нас с тобой.

(СВОБОДНАЯ ДИСКУССИЯ)

Сарабьев А.В.: Большое спасибо, Александр Иванович! Прозвучали очень емкие мысли, и весьма тезисно. В нашей дискуссии попытаемся раскрыть их, и кто-то, может быть, дополнит их своими соображениями. А в продолжение лирической волны, заданной стихотворением, позвольте мне зачитать одну глубокую мысль одного мудрого человека: «Идеи общественного переустройства ... предполагали новые возможности культурной интеграции. А рядом с ними эволюция нравственного сознания сопровождалась крушением этики, отлившейся в разноликие системы внешних норм и даже заподозрением самой идеи обязанности, выдвигая на место прежних ликов долга моральный аморфизм и адогматизм» [Иванов 1994, 39–40]. Звучит, на мой взгляд, свежо, и особенно на перекрестии этической и социальной проблематики ценностей. Ведь общественное переустройство, которое мы сейчас наблюдаем – кто говорит о переформатировании, кто о трансформации, кто о цивилизационном рывке – совершается на наших глазах довольно круто. Приведенные слова написал еще 125 лет назад Вячеслав Иванов в своей работе «Предчувствия и предвестия». В докладе упоминался модерн, а цитата ведь и восходит к эпохе модерна – цивилизационной волне, охватившей множество стран и не только в сфере искусства, где преимущественно выделяют модерн, а и в области социальной мысли, этики. Теоретик модерна, Джон Рёскин, настаивал в своей большой работе на социальной проблематике, провозглашал своего рода хождение в народ, которое потом по-своему трансформировали в разных странах. Вообще, эпоха модерна меня чрезвычайно занимает – тогда было высказано много глубоких идей, и хорошо бы находить с ними переклички, говоря о модерне в общем смысле.

Пожалуйста, коллеги, предлагайте свои соображения по нашей теме или задавайте вопросы докладчику.

Долгов Б.В.: Позвольте мне поблагодарить Александра Ивановича за интересный доклад, за высказанные мысли – хотя и тезисно, но мы в дискуссии развернем эти мысли.

Прежде всего, важен моральный, духовный аспект ценностей: есть как личные, для каждого человека свои ценностные ориентиры, так и общие, выработанные на протяжении исторического развития человечества. Они выработаны и в ходе религиозного познания, и социально-политического развития человеческого общества. Они есть и в христианстве, и других религиях, но они провозглашались и в ходе радикальных социальных преобразований, революций – английской, голландской, американской, французской, российской. Это и «Свобода, равенство, братство», и «Человек человеку – друг, товарищ и брат». Это коррелирует с религиозными ценностями, и даже Моральный кодекс строителей коммунизма сравнивали с христианскими заповедями. Так что эти ценностные ориентиры выработаны в ходе исторического развития человечества. Но вот с какой мыслью докладчика я бы поспорил. Было сказано, что мир переходит в новую стадию, в новую эпоху. Но на мой взгляд, тут иная ситуация. Либеральная система, я считаю, находится сейчас в глубоком кризисе. Мы наблюдали почти пародию на выборы в США, штурм Капитолия, сопровождавшийся жертвами. В Европе нередки граффити типа «Капитализм убивает». Движение «Желтых жилетов» во Франции вписывается в общее требование развития общества в сторону социальной справедливости. Уже заговорили о марксизме, причем в таком ключе, как трудно представить было еще лет 10–15 назад. Не хочу сказать, что марксизм – будущее, он был создан давно, сам нуждается в корректировке. Но либеральный миропорядок находится в кризисе. Вот в Китае мы видим успехи, грандиозные успехи – это и космос, и достижения в социальном плане. Впервые за многие годы Китай демонстрирует статистические данные о полной победе над бедностью. Другая стезя – в русле исламистской риторики по примеру Ирана. Конечно, радикальные течения отвергаются, их террористические проявления всем известны. Но сама постановка вопроса – создание справедливого государства, по мысли исламистов, на основе Корана – это альтернатива западному либерализму. На мой взгляд, такова ситуация в человеческой обществе

сейчас. И как это назвать – переход в новую фазу или это требование изменений существующего миропорядка – это вопрос дискуссионный. Кроме того, прозвучавший термин «исламский либерализм» нуждается в уточнении. Ведь либерализм предполагает, в частности, свободу однополых отношений, что неприемлемо в исламе. Есть понятие «исламская демократия» в трактовке Р. Ганнуши в Тунисе, пришедшее на смену фундаментализму. Но «исламский либерализм» – термин спорный. Ясно, что углубление социального расслоения в мусульманском мире (увеличение числа очень богатых и очень бедных) – конечно, явление тупиковое.

Сапронова М.А.: С огромным интересом прослушала доклад, и на мой взгляд, это совершенно необычный ракурс рассмотрения развития довольно важного субрегиона арабского мира. Александр Иванович справедливо отметил, что ценности лежат в разных плоскостях – цивилизационные, религиозные, национальные. Более того, в каждой из систем ценностей есть разные уровни. Понятно, что, говоря о ценностях, мы уходим в разные плоскости: в светские идеологии, если говорим о человеческих и социально-экономических ценностях (о чем сейчас говорил Борис Васильевич) – свобода, равенство, братство, эгалитаризм, справедливое распределение продуктов производства – это из сферы светских идеологий, испытывающих с 70-х годов кризис, например, социализма, панарабизма и др. А если мы говорим о метафизических ценностях, то как правило это современные религиозные системы, которые, видимо, тоже переживают кризис, но которые, главное, не могут заменить собой светские идеологии, существовавшие на Западе и Востоке после Второй мировой войны. Здесь столкновение и кризис государственных идеологий и религиозных систем привносит своего рода сумятицу в ориентирах целых субрегионов, государств, народов. Проблема и в том, как все эти многообразные ценности распознать во внутренней и внешней политике. Это очень сложно, это отдельная проблема. Как мы можем сказать, что какое-то государство стоит на такого рода ценностях в своей политике? То есть, это вопрос критериев ценностных

установок в политической сфере. Можем ли мы в этих условиях говорить о том, что вырабатываются некие универсальные ценности, которым стараются быть привержены разные государства и народы? В программе «Видение 2030» КСА предложили и раздел по экологии (например, высадка миллионов деревьев по всей Аравии). Не значит ли это, что мир движется к неким универсальным ценностям, к которым хотя и относятся по-разному, но идет все же универсализация ценностей?

Яковлев А.И.: В чем вообще актуальность тематики: очевидна смена эпох. Идет смена модели западной, и, поскольку Восток следует модели западной, то и восточные пути развития должны меняться. Отсюда – мы должны смотреть и за моделью западной, которая лишилась своей нормативности, но остается ориентиром, но и смотреть за конкретикой арабского мира. Я бы еще выделил, как здесь прозвучало, обращение к ценностным критериям. Другое важное понятие – ценности, ценностные ориентации: идеологические, духовные, материальные и т. д. Другая очень важная мысль прозвучала – о возможной универсальности возникающей сейчас модели развития: у каждой модели своя система ценностей. Запад претендует на универсальность своей системы ценностей, что происходило на протяжении XIX–XX веков и в чем особенность колониализма и неоколониализма. Но Восток с этим не соглашается, и пример Китая здесь показателен, но отчасти: предлагаются альтернативные система ценностей и модель развития – да, постиндустриальная основа в материальном плане, но в материальном плане все совсем другое. С этой точки зрения важно изучать изменение западной модели – эволюцию, или по-разному можно называть, но очевидно, она меняется – и реакцию арабских стран происходящие изменения в западном мире и на то, как они смотрят на китайскую модель – а связи у арабов с Китаем очень большие и только развиваются. Для нас как арабистов важно не только слежение за социально-экономическими и политическими конъюнктурными изменениями, но и то, что дает ценностный подход – я не абсолютизирую его, но он помогает проявить

тенденции развития, поскольку указывает на основные пункты смыслов. Все имеет смысл в развитии, и, следя за ним, можно понимать тенденции развития.

Сапронова М.А.: Да, но как мы будем улавливать эту смену ценностных ориентиров – их многогранность, многовекторность, многоступенчатость во внутренней и внешней политике, то есть, что будет маркерами изменений этих ценностных ориентиров, по каким параметрам политики мы будем их ощущать и говорить об изменении к каком-либо государстве, что оно меняет свой ценностный фокус во внешней политике или во внутренней? Мне кажется еще, что эту смену ценностных парадигм, установок очень трудно рассматривать на протяжении короткого промежутка времени, потому что итоги экономических реформ, революционных изменений мы можем наблюдать почти сразу, в течение года, а эту смена ценностных парадигм – это длительный период, и должно пройти время, чтобы мы поняли, что общество адаптировалось к этой ценностной парадигме, приняло ее, или же наоборот – общество уже выработало ее, а глава государства поймал эту волну и каким-то образом транслирует ее во внешней политике. Это длительный процесс. Отсюда и мой вопрос: где маркеры и критерии перехода общества от одной ценностной установки к другой, и от какой конкретно – национальной, цивилизационной, религиозной. Это сложноуловимый процесс в политической жизни.

Яковлев А.И.: Думаю, все определяется той задачей, которую ставит исследователь. Вот, арабистка Катакура в своей книге отмечала, что в 50-е годы для бедуинской семьи ценностью было воспитать мальчика, чтобы он знал Коран и умел управляться с верблюдом, а в 70-е годы ценностью стало образование, и бедуинские семьи хотели, чтобы их мальчики были летчиками. Это и есть смена ценностных ориентиров. Я говорю не об ориентациях как конкретике, а о ценностях и ценностных ориентирах: ценности – более высокого порядка, а ценностные ориентиры более конкретны, они определяются социально-экономической деятельностью в рамках той или иной формации. А на примере внешней политике

– можно видеть, как увядает на протяжении последних десятилетий ценность ближневосточной палестинской проблемы, она сходит на нет, но в 50-е годы она была ценностью во внешней политике всех арабских стран.

Сарабьев А.В.: Вы абсолютно правы: и король Фейсал в своих реформах делал постоянные отсылки к палестинской проблематике, а свою роль региональную подчеркивал еще и как хранитель такой антисионистской парадигмы. Но вот, говоря о субъекте и объекте ценностных изменений: очевидно, что документ, программа «Видение 2030» не может быть субъектом изменений, она лишь отражает интенцию. Но кто является субъектом заявленных изменений? Есть сейчас запрос на эти изменения в самом саудовском обществе? В политическом истеблишменте, может быть, есть, консенсус найден в части его, а самом в обществе есть или нет?

Яковлев А.И.: В октябре 2016 г. был казнен за убийство премьер Турки ибн Сауд аль-Кабир – член королевской семьи. Или в июле 2017 г. был задержана модель Хулуд – женщина, которая прогуливалась в общественном месте в миниюбке – она была задержана, но она не побоялась выйти. Эти и другие такого рода примеры показывают: саудовское общество уже дрейфует, почему я и говорил о растущем противостоянии условно фундаменталистов и условно либералов – в широком смысле. Дрейф смены эпох – старые уже расшатаны, а новые только создаются, еще непонятно, какими они будут. По сути, происходит выработка новых ценностей.

Сарабьев А.В.: Если позволите обострить дискуссию: Вы призываете смотреть на реализацию западных моделей в восточном социуме, но если смотреть под формационным углом зрения, все-таки условный Запад проходил определенные формационные стадии, в то время как так называемые архаические общества, в том числе и то, о котором мы сегодня говорим, перескочили, пожалуй, через несколько из них. Например, был ли индустриальный этап в саудовском обществе? Я полагаю, что нет, но теперь КСА пытается впрыгнуть в постиндустриальный этап. Не будет ли здесь рокового ценностного конфликта? Ведь одно дело – эпоха Фейсала, когда

переход к индустриальному капитализму мог состоятся относительно гармонично. Но сегодня понятно, что глобальный мир оставляет индустриальный капитализм далеко позади, переходя в постиндустриальный. Так не будет ли конфликта ценностей, который может оказаться роковым для саудовского общества, его простых граждан?

Яковлев А.И.: Я бы еще раз повторил свой тезис о задачах и уровнях ценностей, о которых мы говорим, и обратил бы внимание на низший уровень, который проявляется в повседневности. Я помню свое ощущение некоторого высокомерия к мне со стороны саудовцев – они дружелюбны, открыты, но чувствуешь: «Мы – мусульмане, а кто ты такой?» И на это высокомерие мусульманина накладывается высокомерие нефтедоллара: «Нам Аллах даровал, а вам-то нет...» Здесь на старые ценности накладываются новые. Конечно, невозможно измерить ценности, нет такого инструмента, но использовать личное восприятие вполне можно. Я предлагал такой подход к анализу: синтез и симбиоз традиционных и современных ценностей, их сосуществование и, одновременно, поглощение, и появление чего-то нового. Сейчас открыт вопрос о развитии восточного общества, в том числе китайского: что это будет – симбиоз восточного и западного, или же это будет синтез, тот, что ближе к универсальной модели? Я не верю в универсальную модель, ведь где-то глубоко в человеке все равно существует верность своим коренным традициям. Но дрейф в эту сторону идет, и результат не предопределен. Это длительные процессы: модернизация в Саудовской Аравии просто ускорила их, сжала во времени. Сейчас нужно смотреть, наблюдать новые явления, отмечая, случайность это или проявление определенной закономерности.

Сарабьев А.В.: Все присутствующие обратили внимание на предложенную Вами градацию ценностей на высшие и низшие, и, возможно, нелишним было бы повторить, к какому уровню относятся социальные ценности, а к какому личные. И я попросил бы Вас уточнить, каким образом соотносятся эти уровни с процессами в Саудовской Аравии, о которых Вы упомянули – смена вертикальных ценностей на

горизонтальные, что вообще это значит и как можно схематически это себе представить?

Яковлев А.И.: Что касается смена вертикальной схемы ценностей на горизонтальные, в Саудовской Аравии пока этого не произошло. Это было в западной модели, XVIII–XIX века, когда окончательно отказались от теоцентристского подхода к жизни, заменив на антропоцентристский. Об уровнях – у меня так: «Низший, социальный уровень жизни в наибольшей мере подвержен воздействию социально-экономических перемен». Имеются в виду дом, комфорт, машина, вообще богатство – то, что было привнесено, те ценности, которые саудовцы получили и отказываться от них не хотят. Да, это материальные ценности. Вот, конкретный пример: когда в 90-е годы отменили королевский подарок выпускникам саудовских вузов, те были недовольны, потому что их старшие братья этот денежный подарок получали. Что касается среднего уровня, это ценности социально-политические и эстетические. Так, в саудовское общество привнесены западные ценности, например, либерализм, он с трудом входят – как в крайнем его понимании, так и в политическом смысле. Но он присутствует там. Тут прозвучало понятие хаоса – он имеет место из-за наличия элементов разных западных систем: новой, современной, постсовременной, индустриальной, постиндустриальной, и одновременно присутствует собственно саудовская система ценностей. Ну и высший, метафизический уровень: какая бы эволюцию ни шла в саудовском обществе или в иранском, но насколько же глубоко в них укоренена исламская идентичность, от которой они не откажутся. Думаю, имеет смысл использовать эти три уровня, чтобы ориентироваться в нашем анализе.

Сапронова М.А.: Очень важны, как правильно было сказано, субъектно-объектные отношения, чтобы понимать, кто и каким образом формулирует систему ценностей в государстве и, соответственно, существуют ли ножницы между системой ценностей элиты и системой ценностей общества. Вот, в нашем государстве взят как бы общий тренд во внутренней политике на развитие духовности: понятие Бога есть

теперь в Конституции, появились теологические советы, есть институты, где открыты кафедры теологии, наблюдается взаимопроникновение, взаимовлияние религиозных тенденций и светских. Но можно ли говорить, что наше общество становится более духовным, если мы говорим о метафизическом уровне ценностей? Не материальных, а метафизических, которые реализуются во внутренней и внешней политике. И в этой связи – вопрос экологии. То, что Саудовская Аравия взялась рьяно реализовывать разнообразные экологические программы, это реверанс в сторону Запада, чтобы показать поддержку их трендов, новинок, или это следствие понимания элитой важности экологических проблем, которые сейчас стоят перед человечеством?

Яковлев А.И.: Сразу замечу, что активную поддержку экологических трендов начали не саудовцы, а эмиратский эмир Нахайян. Важно, как Вы ставили вопрос: в какой мере ценности вырабатываются обществом и в какой ставятся властью? С моей точки зрения, вопрос показателен. Помним, что в XX веке почти на пустом месте формируется полусовременное, а потом и современное государство. А ведь не было ни государства, ни самой ценности государства – национального, того, что в европейском обществе вырабатывалось веками. А в арабском мире этого не было ни в период халифата, ни в османский период, поскольку Османская империя подразумевала самоидентификацию по иным критериям. И Абдель-Азиз, когда создавал государство, стал насаждать государство как новую ценность, но которая и до сих пор не совсем принимается – люди в саудовском обществе идентифицируют себя не по паспорту, а по разным другим критериям. Но государству важно насадить эту национальную идентификацию, и оно прилагает к этому усилия в течение десятилетий. Получится или нет – другой вопрос. Здесь нужно выявлять ценности, которые рождаются сами собой (из традиций, из опыта, перенимаются с Запада) и те ценности, которые государство реализует в своей политике, утверждая себя.

Лукьянов Г.В.: Мой вопрос касается так называемых малых аравийских монархий. Тот дрейф к новой

конфигурации ценностей, о котором Вы говорите – можем ли мы говорить о его разноускоренности в разных государствах и сделать предположение, что в малых аравийских государствах это движение может идти быстрее, чем в Саудовской Аравии? То есть, те преграды, которые могут быть в таком аравийском флагмане, как КСА, в малых монархиях могут отсутствовать или действовать другим образом? И можем ли мы смотреть на общества малых монархий Залива как на индикатор преобразований, которые характерны для аравийских обществ в целом?

Яковлев А.И.: Конечно же, Саудовская Аравия, видимо, затмевает малые эмираты, но это не значит, что те буквально следуют за Королевством. Напротив, последние десятилетия наблюдаются существенные расхождения в их политике. Вы сказали о разном темпе, и это так, ведь Саудовская Аравия – родина ислама. А эмираты более свободны в этом отношении: по многим критериям, в частности уровня либерализма, в ОАЭ, Кувейте более свободная атмосфера в политике. Есть общеаравийская модель, но есть и подмодели, когда окрепшие государства могут развиваться, хотя и с оглядкой на КСА, но идя уже своим путем.

Лукьянов Г.В.: Вы убедительно показали, что не вполне корректно сравнивать развитие арабских обществ и европейских, западных (и Борис Васильевич об этом говорил), но в своей преподавательской деятельности я сталкиваюсь с вниманием студентов, например, к массовому движению БЛМ. Сообщалось о случаях осквернения африканцами памятников Махатме Ганди в ходе массовых манифестаций – под предлогом якобы расистских взглядов Ганди. То есть, набирают силу массовые движения. В свою очередь, необходимость активно заявлять о своей позиции в западной традиции приобретает форму обязательности защиты своих ценностей. А в странах аравийских монархий можем ли мы говорить о серьезных сдвигах, если нет этого массового протестного движения? Или это только свойство западных обществ, когда любой существенный сдвиг должен сопровождаться протестным движением? Элитаризм изменений в арабском мире,

реформы сверху – это явление привычное, а можно ли усматривать факторы изменений снизу? Есть ли вообще место массовому протесту в той политической традиции, которую мы наблюдаем в арабском мире?

Яковлев А.И.: Разные общества прошли разной длины пути исторического развития. Европейское общество за столетия (Возрождение, Просвещение, Новое время, насыщенный событиями XX век) поколение за поколением меняло свое мировосприятие, а история Саудовской Аравии оказалась сжатой – вместо столетий всего пятьдесят с небольшим лет. Там странно было бы ожидать массовых явлений. Даже «арабская весна» 2011 года – не европейского типа революция: другой исторический опыт, другая зрелость. Могут упрекнуть – а что вообще такое историческая зрелость? Не готов об этом сейчас говорить, но тут зрелость иная, в этом историческая данность. Почему еще не может быть массового движения: в аравийском обществе еще не иссякли традиционные источники ценностей они еще верны традиции, пусть и не сознавая этого. А в Соединенных Штатах, вообще на Западе еще с Великой французской революции отказывались от традиционных ценностей, даже от тех, что приходили на смену прежним. И в России революционеры отказывались. Сейчас в Америке отказываются от системы ценностей революционным путем. Конечно, такие модели не применимы, с моей точки зрения, к Аравии.

Лукьянов Г.В.: Когда Вы используете категорию зрелости, означает ли это, что Вы не сомневаетесь в линейном характере исторического процесса, что мы придем к тому же самому результату, что в европейском обществе с точки зрения стадийности развития, формационного подхода и что массовое участие все равно неизбежно, но придет, возможно, позже? Или же Вы допускаете, что оно и не появится ввиду необязательности чередования формаций?

Яковлев А.И.: На Ваш вопрос с подвохом я прямо не отвечу: возможен двухчастный подход к развитию обществ – формационно-цивилизационный, то есть общество можно рассматривать в двух системах координат. Соответственным

образом определяется и зрелость общества. И тогда общество может быть зрелым в цивилизационном плане, изменяясь немного, исходя из меняющейся социально-экономической ситуации, но разный уровень зрелости в формационном плане.

Сарабьев А.В.: Если позволите, небольшое замечание и вопрос. Я обратил внимание на несколько восторженную оценку Бориса Васильевича китайской социальной политики. Но ведь китайские власти утверждают ценность государство в плане государственного контроля личности жестко. Своей системой социальных рейтингов они как бы обращаются к личности: «Мы тебя проидентифицируем, но не по паспорту, а по... твоему социальному рейтингу». Подобная система тотального контроля просматривалась в реформах короля Фейсала? Заложена она в «Видении 2030», является ли она ценностью государства, которую оно будет реализовывать? И воспримет ли ее общество или же, о чем говорит Григорий Валерьевич, это может вызвать массовые протесты, наподобие «желтых жилетов» и т. п.?

Яковлев А.И.: Полагаю, и да, и нет. Любое государство стремится себя защитить, и саудовское тут не исключение. Хотя сравнение режимов пекинского и эр-риядского странно, но в том, о чем Вы сказали, сходство абсолютное: саудовские власти стремятся контролировать Интернет, и в этом им помогает само общество. Известно, что имеет место система доносов: когда саудовский верноподданный находит что-то в Интернете, что угрожает государственному устройству, он сообщает в соответствующие инстанции – пишет донос. Ну и власть сама следит за этим. Так что общество не готово к позиции европейского общество, оно не дозрело в этом отношении, и я думаю, оно никогда не дозреет. Оно остается в своем состоянии. С точки зрения европейской, оно не дошло до уровня подлинно либерального общества, а с точки зрения саудовской – и не надо доходить. Как я говорил, западное общество лишилось своей нормативности – нормы, которой надо достигнуть. Запад им уже не нужен, они исходят из своих критериев. Недовольство «приглядом», контролем

государство есть, но это будет совсем другая модель взаимоотношений общества и государства, чем в Западной Европе или в Китае.

Долгов Б.В.: Я бы хотел снова вернуться к тому пути, по которому идет китайское общество – общество, имеющее свою глубокую традицию, долгий исторический цивилизационный путь. Власти заявляют, что сейчас Китай строит общество на основе традиций и переработанной марксистской теории – «социализм с китайской спецификой». Обвинения в тотальном контроле – они звучали во все времена, еще со времен Французской революции, когда тоже говорили о слежке государства за гражданами. Но до сих пор во всех французских учреждениях висит лозунг «Свобода, равенство, братство» и трехцветный флаг той революции. И у нас иногда звучат предложения проводить тотальный контроль по типу полной цифровизации, даже систему образования сменить на такую, которая позволит легче управлять, манипулировать гражданами. То же касается и соотношения ценностей и внешней политики. Это область, в которой любая правящая группировка реализует свои интересы, исходя вовсе не из ценностей общества, а зачастую из политических, деловых и даже из своих корыстных интересов. Так было, например, в ливийском конфликте, когда политики из европейских стран приняли решение бомбить эту страну. Почему Франция стала инициатором военной интервенции? Как мне рассказывали высокопоставленные дипломаты, еще до решения ООН о «закрытии воздушного пространства» над Ливией, с французского авианосца у ее берегов поднимались самолеты, которые наносили удары по армии Каддафи, пытавшейся подавить вооруженные исламистские мятежи. Далее пошла настоящая интервенция стран НАТО, вызвавшая мощную волну эмиграции. Так что соотношение изменений в ценностных ориентирах общества и во внешней политике – вопрос сложный, как указывала и Марина Анатольевна. Отследить их непросто. Но когда в обществе назрели определенные проблемы, постепенно меняются и ценностные ориентиры. Но тогда меняется и властная группировка, и мы уже

можем наблюдать изменения во внешней политике. Чаяния общества, которые оно пытается донести до властной группировки, иногда приводят к компромиссу интересов власти и общества, но это происходит нечасто. А по поводу формационного подхода, напомню формулу революционной ситуации, когда «низы» не могут, а «верхи» не хотят в условиях кризисной ситуации. Тогда идет изменение и строя, и экономической формации. Сейчас наблюдаются протесты афроамериканцев, которые поддержаны в европейских странах, и это один из сигналов того, что формация, начавшая свой путь несколько столетий назад, заканчивается. Назревает кризис между теми американцами, кто работает и желает дальнейшего развития себя в профессиональном и личностном плане, и теми, кто живет на пособия, не желая развития. Та же проблема и в Европе. Ценностные ориентиры – важный момент, и их смена – дело долгого времени. Дискуссия об этом очень важна и в рамках востоковедения, и не только.

Сарабьев А.В.: Позволю себе заключительное и, возможно, провокативное замечание: не показательно ли, что мы сегодня, рассуждая о ценностях, практически не говорили о религии? Мы говорили о традиционном обществе Аравии, об обществах других стран и совершенно обходили вопрос религиозной системы ценностей и ее трансформации. Еще сто лет назад вполне религиозными учеными и даже священниками разрабатывалась светская система мировоззрения, в том числе учение о ноосфере. И сейчас очень высок интерес к работам Д.И. Менделеева, Г.И. Вернадского, К.Э. Циолковского. И это не только, конечно, русское направление – этим же занимался, например Пьер Тейяр-де-Шарден, а он был действующим католическим священником. Он писал: «По структуре ноосфера и мир вообще представляют собой незамкнутую систему». Он как бы транспонировал религиозные идеи в светскую плоскость. Этим же занимались и многие другие деятели. Как, на ваш взгляд, не за этим ли собираются многочисленные межрелигиозные форумы, в том числе с участием папы Римского, шейха Аль-Азхара, ведущих муфтиев, буддийских лам – не за тем ли, чтобы выработать приемлемую для людей

религиозных и нерелигиозных общую систему ценностей? Систему общества будущего – универсального или нет, уж не знаю. Как вы считаете?

Яковлев А.И.: В своем выступлении я не то чтобы сознательно обошел религиозную тематику, а просто задача была показать переход от одной эпохи к другой. Я только упомянул о высшем ценностном уровне – духовном. А то, о чем Вы сказали, заслуживает отдельного разговора – как с точки зрения теологической, так и политологической. Я бы предложил сейчас для анализа нашей проблематики иерархию понятий сверху вниз: ценности – идеалы – идеи – интересы. Нередко в исследованиях идеи подменяются интересами. Так что ценности – высший уровень, а идеи и идеалы – средний.

Сапронова М.А.: Мне недавно пришлось убедиться, насколько профессионально сейчас люди пытаются сделать спайку между религией и наукой – то, о чем Вы говорите. Это идет и на высоком уровне религиозных иерархов, но и на других – в частности, люди занимаются этим в системе образования – и у нас, и в европейских странах, где высок последнее время интерес к исламской теологии. Это попытка сплести такую «косу», из которой бы ничего не выбивалось, куда бы включались и феноменология духа Гегеля, и понятие души в литературе, в религии, в искусстве. И так это профессионально делается, что получаешь истинное удовольствие. Но моя точка зрения заключается в том, что все-таки будущее не за этим. Семимильными шагами идет цифровизация, цифровые технологии широко используются в общественной жизни, мы очень быстро идем к искусственному интеллекту, формируется совершенно новый формат цифрового общества. Каким оно будет, мы не знаем, но ясно, что это общество требует от всех его членов совершенно других компетенций: нужна быстрота реакции, креативность, подвижность, цепкость ума. Конечно, идет быстрая смена парадигмы ценностей. Это будут свойства цифрового общества, но контуры прорисовываются уже сейчас: это формирование цельного, делового, креативного человека, где внутренние метания, связанные с душой и духом, у арабистов – проблема соотношения

нафса и *руха*, при всех попытках это притянуть в цифровое пространство, все же в этом цифровом пространство все это плохо уживается, требуются совершенно иные компетенции, и человек уже живет в этих реалиях. Мы пока не знаем, каким он будет – цифровой человек, но мы начинаем жить в новых реалиях, которые требуют от нас и от подрастающего поколения совершенно новых компетенций, куда духовная составляющая плохо вписывается, они несколько отодвигаются. Их пытаются вписать, и отсюда наблюдаемый декларативный разворот в сторону духовности, отсюда потуги не только российского, но и европейского образования обратить внимание на религиозные ценности, в том числе исламские. Но сам цифровой мир требует от человека другого, и поэтому духовные составляющие как бы выпадают из него, как бы нам не хотелось вплести их в эту единую «косу».

Яковлев А.И.: Если позволите сказать другими словами: мы еще не знаем, какими будут ценности цифрового общества, но уже знаем, от каких ценностей отказывается цифровое общество.

Сарабьев А.В.: Да, спасибо большое, это звучит столь же замечательно емко, сколь и тревожно. Возможно, нам бы хотелось, чтобы мир оставался таким же теплым и уютным, как тот, в котором мы были детьми, росли, набирались ума, однако явно, что все меняется. Остается надеяться: то, что касается жизни духа, будет меняться не так катастрофически, и то, о чем сказала Марина Анатольевна – в основном, в сфере коммуникации – будет не таким уж роковым образом менять жизнь людей. Ведь то, что относится к жизни духа человека, к сфере божественного Провидения, не вписывается в формационный подход, и может быть, человечество не придет поэтапно к некоему цивилизационному тупику.

Благодарю всех участников дискуссии, и до новых встреч!

ЛИТЕРАТУРА

Добреньков В.И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии / МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Alma Mater; Академический проект, 2011. 557 с.

Иванов В.И. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1994. 428 с. – (Мыслители XX века).

Кнабе Г.С. Избранные труды: Теория и история культуры / Отв. ред. Н.И. Кузьменко. М.: Летний сад, 2006. 1198 с. – (Российские пропилеи).

Prince Faisal Speaks. Kingdom of Saudi Arabia. Ministry of Information. 1963.

Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2010.

REFERENCES

Dobrenkov V.I. *Cennostno-orientirovannaya sociologiya: problemnoe pole postneklassicheskoj metodologii* [Value-oriented sociology: a problematic field of post-non-classical methodology]. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Alma Mater; Akademicheskij proekt, 2011. 557 p.

Ivanov V.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow, Respublika, 1994. 428 p.

Knabe G.S. *Izbrannye trudy: Teoriya i istoriya kul'tury* [Selected Works: Theory and History of Culture]. Ed. by N.I. Kuzmenko. Moscow, SLetnij sad, 2006. 1198 p.

Prince Faisal Speaks. Kingdom of Saudi Arabia. Ministry of Information. 1963.

Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2010.